

Дальний отдел. Убийства в казанской полиции

52-летнего Сергея Назарова казанские полицейские задержали 9 марта по подозрению в краже мобильного телефона. Через два дня он умер в реанимации от разрыва прямой кишки.

Арестованы пять полицейских, весь отдел полиции «Дальний», где издевались над Назаровым, расформирован. Но если следствие действительно решит расследовать все преступления казанских полицейских, список арестованных должен стать намного больше. Расследование «РР» показало, что от полицейского произвола в Казани не застрахованы ни пять раз судимые уголовники, ни дети сотрудников администрации президента. А пытки и фабрикация уголовных дел покрывались прокуратурой и следственным управлением республики.

Третьего июня прошлого года во дворе дома № 68 на проспекте Победы в Казани кто-то расстрелял машину с находившимися там пятью парнями, одного из них убили. На следующий день сотрудники ОВД «Дальний» прошлись по квартирам окрестных домов, забрали чуть ли не всех молодых мужчин, несколько дней били их, пытали током, насиловали бутылкой, выбивая признание, и, наконец, посадили троих, в том числе Айрата Насыбуллина. Парни сидят в СИЗО уже девять месяцев.

Если бы я услышал эту историю первой, я бы не поверил. Но с женой и братом Айрата я говорил уже под конец командировки, поэтому понимал, что это чистая правда. Перед этим я встретился с десятком недавних жертв пыток в разных отделениях полиции Казани, а конкретно про ОВД «Дальний» мне уже было понятно, что там трудилась команда неумняемых садистов.

«12-го перевозили в ИВС, он при мне переодевался, и я увидела, что у него синяки на теле, нос разбит. Это все у него зафиксировано, сейчас он находится в СИЗО. Теперь его обвиняют в убийстве вот этого мальчика. То есть он якобы вышел, застрелил его чуть ли не в упор и пошел домой смотреть телевизор. Мы же с ним сидели, телевизор смотрели, легли спать вместе».

«...Они привозят его, берут, снимают штаны, на конец наматывают проволоку, другую на палец — и 220. «Давай рассказывай, что было». Нормальному человеку даже стыдно говорить, что с ним такое делали. Он сам мне ничего и не говорил — это мне рассказал адвокат со слов Айрата».

«...Я разговаривал с родственником того, кто непосредственно показывает на Айрата. Он говорит, того били восемь дней и сказали: или ты скажешь вот так, как мы тебе говорим, или мы сделаем, что ты сам виноват».

«...Мы пишем в Следственный комитет, Николаеву, что мужа пытаются. А они все заявления отдают следователю, который занимается этим делом. А следователь мне говорит: «Зачем на меня пишешь? Ты хочешь, чтобы еще хуже было? Будет! Даже, говорит, не думай больше писать». Вот и все, замкнутый круг, человек просто так сидит — сейчас дело состряпают, сляпают, сделают красиво конфетку и отдадут в прокуратуру».

С женой и братом Айрата мы сидим в кафе торгового центра. Все вокруг блестит, ходят красивые девушки. Мои собеседники — обычные интеллигентные горожане, казанский средний класс. «Живешь так, живешь, а потом раз — приходят к тебе и забирают человека».

15 марта родственники жертв казанских полицейских провели митинг перед зданием МВД Татарстана. Над толпой весело летает связка надувных шариков в виде шампанских бутылок с надписью «Let`s celebrate now!». Самого громкого крикуна после фразы «Набрали в милицию баранов» быстренько крутят и уводят в автозак. Руководство МВД республики еще держит солидную мину: мол, дело Назарова — это досадное недоразумение. Участковый Гарифуллин помещен под домашний арест.

Две тихие испуганные женщины в шубах старательно уклоняются от камер. Начальник на работе отпустил их

на митинг, но приказал не светиться. Это жена и сестра одного из изнасилованных в «Дальнем», после долгих уговоров они соглашаются на анонимное интервью.

«В августе моего мужа с другом избили хулиганы во дворе дома. Ну, естественно, они были выпивши, муж с другом, они просто сидели во дворе, играли в карты. А отморозки шли и орали. Вот друг и сказал: “Ну чего орете, у нас тут дети спят, окна открыты — лето, жара. Потише”. Ну, они их избили. Забрали на “скорой”. Мужу меньше попало, а другу делали трепанацию — очень тяжелая операция была, сказали, что он еле выжил.

Естественно, заявление, так как в больницу попали. Приехали менты, сказали мужу: “Пошли поговорим в отдел”. Муж повез их на своей машине в отдел. Приехали, сразу завели — это уже по его рассказам — завели в кабинет, тут же отобрали телефон. Началось. Стали спрашивать: “Почему тебе попало меньше? То есть ты был в сговоре с теми, кто тебя избивал, скажи нам, кто это”. Это вообще непонятно, даже не пытайтесь понять. Ну, он в шоке — он-то думал, что ему фотороботы хотят показать. А ему надели наручники — за спину, сжали их до конца. На голову надели пакет с ручками, затянули его очень хорошо — и в позу ласточки. Ну а дальше все то же самое, что с Назаровым, только бутылка другая была.

Я в десять часов почувствовала неладное. Его забрали в семь, я запаниковала, потому что звоню — он трубку не берет. Я отправила эсмэску: “Мы идем к тебе”. Оделись — дочь маленькая у нас, — пошли. Пришли в дежурку, выходит парень, который приходил за ним. Я его останавливаю, говорю: “А где мой муж?” — “Там”. Я говорю: “Ну, дайте я посмотрю, пусть выйдет”. — “Он не выйдет”. Потом приходит мне эсмэска: “Иди домой, все в порядке, я здесь останусь”. Я долго стояла, ждала, пыталась стучать в эту дверь, прорваться. Мы стояли в дежурке и слышали, как он орет. То есть мы стоим здесь, а они издеваются над ним. Это было так жутко!

Ну и уговорила одного милиционера, чтобы пустил. Вот этот Алмаз, кстати, которого вчера показывали, самый первый, кого посадили.

Он пропустил и быстро указал мне тот кабинет, где муж. Я захожу — не знаю, как я в обморок не упала. У него такой вид был, клочья волос на плечах, везде. И видно, что как будто кто-то на него надел эту одежду, не он сам. Я говорю: “Что случилось?” Он: “Ничего”. Я говорю: “Что с тобой, скажи!” — “Ничего”. Тут врываются эти Рахматуллин Айнур и Сабирзянов Фаиль, замы начальника. Они меня за руки, за ноги — “Кто ее сюда впустил?!” Там мат такой! Побили меня, вытолкали туда, где дежурная часть. А там уже все наши друзья подтянулись, я всех позвала. Они всех их стали швырять в камеру, всех-всех-всех — в обезьянник. Сейчас, говорят, будем пробивать вас. Я стала звонить по всем телефонам — МВД, доверия. Там у них стенд прямо висит “Звонить сюда”. Родители моего мужа шли из мечети и забрали дочку, она уснула у меня там на пороге отдела.

Они же пацаны, им лет двадцать пять, Рахматуллину, может, тридцать. И Рахматуллин, и Василов — все они одного размерчика, мал мала меньше. У них вид как у гопников 80-х — вот никак абсолютно не изменились. Брюки такие же, рубашка, болохонистый свитер, сам худющий, низкий, а стоит нагло.

Приехала “скорая”, зафиксировала мой синяк. У меня травма руки, рука болит. Я говорю: “Пройдите в отдел”. Они: “Нас не пустят туда, бесполезно”.

Потом часа в два приехал Рустам Сидиков из управления собственной безопасности. Это для него уже как норма, абсолютно никакой реакции: “Ну происходит, ну и что?” Потом приехала часа в три женщина на “Газели”, там написано было “Телефон доверия” — видимо, дозвонилась я до кого-то. Вышла из машины, я подбегаю к ней: “Вы по моему звонку?” Она меня не слышит, проходит, как будто меня вообще нет. И потом приехал начальник отдела полиции Сергей Ефремов, в форме. У меня такое ощущение сложилось, что этот Ефремов — он не начальник, а как будто под ними. Он там сравнительно недавно — раньше, говорят, вообще зверь был, Ахметзянов. Сейчас там Сабирзянов и Рахматуллин два главаря.

В три часа мужа выпустили. Утром мы поехали на медэкспертизу. И все, потом одни отписки. Ответа мы с августа так и не получили, только бумажки: “Ваше заявление передано на рассмотрение”. А вот последние два дня, как открыли эту горячую линию, я звоню — они просто смеются. “Вы чего, — говорят, — хотите сказать, что там все извращения?” И прямо вот в трубку смеются. Брат вчера заявление подавал в управление собственной безопасности, говорит: “Я пришел — мне в глаза сидят и смеются: ты чего, говорят, рассказываешь...”

Муж долго лечился, у него были проблемы — и с потенцией, и со всем — все из-за этого... Сколько мы денег потратили! Это сейчас он более-менее отошел. Боялись, не ходили домой даже ночевать. Они нас приглашали, звонили постоянно: приходите побеседовать. Мы отключали трубки, долго скрывались. Такой

страх за ребенка, за себя — вы не представляете просто, какой это был страх».

Бутылка — по крайней мере в виде угрозы — фигурирует во всех рассказах о «Дальнем» как рутинный рабочий инструмент. Судя по рассказам пострадавших, Рахматуллин, Сабирзянов и их подчиненные выбивали признания вообще без какой-либо связи с реальностью. Заявление о преступлении, попавшее в отдел, вело лишь к поиску подходящей жертвы. Оперативная работа сводилась к пыткам, а следственное управление, прокуратура и суды все это сознательно покрывали.

Так, в начале января трое суток пытали двадцатилетнюю Алию Садыкову. Избивали, не давали есть и пить, не пускали в туалет и угрожали бутылкой — требуя сознаться в краже 70 тысяч с бывшего места работы. Ее рассказ подробно записан тележурналистами и доступен в интернете. Из него, в частности, становится ясно, что районная прокуратура не только знала, но и прямо участвовала в происходящем.

Били в «Дальнем» каждый день, и в основном не для дела, а ради удовольствия. Офис правозащитников («Агоры» и Казанского правозащитного центра, КПЦ) гудит, как штаб восстания. Непрерывно трезвонят журналисты, звонят и приходят все новые жертвы пыток, у которых проснулась надежда на расследование. Обычные люди, случайно попавшиеся под руку сотрудникам «Дальнего» и других отделов.

Крупный долговязый мужик Саша рассказывает, как попал в «Дальний» после семейной ссоры — жена и теща вызвали милицию.

«В камеру потащили, там человек восемь налетели на меня, ласточкой завернули — и давай ногами пинать. Ботинки даже сняли, чтоб синяков не оставлять. Ну профессионалы, чувствуется. «Пид...с, х...сос, мы тебя вые...м, то-се, бутылку засунем тебе...» Это у них любимое, как я понял, не раз это проделывали с людьми. Мне повезло, может побоялись — я им сказал, что приду их перестреляю. Я любого из них одним ударом убью — они все мелкие, а у одного шрам через весь затылок, в Чечне, говорят, был. В итоге подвесили меня ласточкой, на моем же ремне, висел часа два наверное».

Анатолий Федорович Дроздов, старый железнодорожник, рассказывает, как ночью 1 февраля полиция отдела «Юзино» выдала ему труп сына, задержанного в кафе. На лице отца мучительно-удивленное выражение, словно он все еще не понимает, как же так.

«Ну, я здесь дежурил, и сообщили, что сына забрали. Это 1-го — они в отпуск какого-то знакомого провожали. Пошел в полицию, в нашу, три мужика стоят на крыльце: “Нам зам сказал его никуда не отпускать и никому не отдавать до утреннего разбора”. Ну, я постоял, постоял, повернулся и пошел. Потом в два часа ночи приезжают за мной: “Поехали”. Я уже предчувствовал, что это негатив, раз ночью меня привезли. “Ну пошли, посмотришь”. В коридоре он лежит — вот так, распластанный, здесь у него все расстегнуто, а пальцы все, фаланги, сбиты. Ну, поплакал я. Особо-то не плакал, потому что набрался храбрости, чтобы не плакать. Мне говорят: “Посмотрели?” Я говорю: “Да, посмотрел”. И потом, значит, его понесли в машину. Я говорю: “скорую” вызывайте... Ну и все, что я больше-то могу сказать? В возбуждении дела уже отказали. Я не знаю, что делать дальше.

— Отчего он умер?

— От кровоизлияния в поджелудочную. Они ему руки-ноги связали — я так думаю, ласточку сделали. Один в коридоре сказал: если бы мы его из камеры выпустили, он бы нас троих сразу убил. Ну правда, он здоровый, как бычок, но никогда не буянил. Там что-то написано невероятное, что он двери вышибал, трещина там где-то на балконе появилась. Эти трещины у них, наверное, уже давно были...»

Все истории свежие, последних месяцев. На станции «скорой помощи» говорят, что только с «Дальнего» с начала года было 45 вызовов и 12 госпитализаций (!).

Рутину прорвало случайно, почему-то именно на Сергее Назарове, хотя это далеко не первое изнасилование и далеко не первый труп.

— Десять лет мы этого ждали, — говорят правозащитники.

Иногда я вынырываю из этого кошмара и ошалело гляжу по сторонам. Я первый раз в Казани. Прекрасный столичный город, изящная архитектура XIX века, интеллигентная публика. Красавицы в уютных кафе. Эта реальность никак не склеивается с той.

Поголовно у всех жертв на руках постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Постановления эти

лучше любых репортажей.

«...Примерно в час в камеру зашел начальни ОМ №9 "Дальний" УВД по г. Казани Ахметзянов И.Х. Он подошел к ХХ, ничего не говоря, нанес правой рукой ладонью по лицу один раз. Затем Ахметзянов И.К. плюнул на него. Затем Ахметзянов И.К. сказал, чтобы он разделся. Он послушал его, снял куртку, свитер. Ахметзянов И.К. нанес 3-4 удара в грудную клетку. Он попытался объяснить, что не виноват, но Ахметзянов И.К. не слушал и нанес 2 удара кулаком по лицу... Также в кабинете находился Алмаз, который поднял его двумя руками и поставив в позу ласточки вдоль стены, нанес 7-8 ударов кулаком в область грудной клетки. В кабинет зашел сотрудник, вместе с Алмазом прижали его к столу и начали снимать штаны, при этом они наносили удары по корпусу. Он начал убежать из кабинета, Алмаз поставил подножку, когда находился в коридоре, он упал на пол. Кричал, чтобы его не трогали и не били. За ним выбежали Алмаз с одним оперативником, которые затащили его в кабинет...

Опрошенный по данному факту Васипов А.М. пояснил, что 22.02.2011 он опрашивал ХХ. Во время разговора тот вел себя неадекватно, несколько раз сам ударил себя, затем ударился головой в общую входную дверь и выбежал в коридор, упал на пол и стал биться головой об пол. Васипов А.М. поднял его и повел в кабинет.

Опрошенный по данному факту Давыдов С.А. пояснил, что вечером он услышал шум. Выйдя в коридор, он увидел молодого человека, который кричал и бился головой об пол. Свое поведение он объяснил психическим расстройством.

В ходе проведенной проверки объективных данных, свидетельствующих о превышении должностных полномочий сотрудниками милиции ОМ №9 "Дальний" не установлено, оснований для возбуждения уголовного дела по п. "а" ч.3 ст 286 УК РФ не имеется... ...»

— По статистике МВД, всего на полицейских поступает порядка ста тысяч жалоб в год, — говорит Павел Чиков, председатель правозащитной ассоциации «Агора». — Из них расследуется менее 5%, по остальным — такие вот отказы. Граждане идут в отделения полиции, чтобы себя побить, или суицидальные наклонности у них там просыпаются... Естественно, следователь прекрасно понимает, что парня лупили. Понимает, что своим отказом в возбуждении уголовного дела он сам совершает преступление. Но найдите хотя бы одного следователя, в отношении которого было бы возбуждено уголовное дело по статье 285 — «Злоупотребление должностными полномочиями» — никогда, практики такой нет.

— Но почему всегда отказ?

— Вон Рамиля спросите, он сколько лет следователем проработал.

Корректный, интеллигентный Рамиль в джемпере, с эспаньолкой на следака не очень похож.

— Смотри, следователи работают с операми, раскрывая обычные уголовные дела. Работают, потому что без оперов раскрывать, расследовать невозможно. И когда поступает жалоба на того же опера, получается конфликт интересов. Ну вот мы работали, это один из самых бандитских районов был в Казани. Два следователя на район, все проходит через нас. Опера тяжкого отдела погуляли в ноябрьские и побили несовершеннолетнего по пьяни — сильно, поломали руку. А мы с ними работаем. У нас с ними не дружеские отношения, не застолья, но это профессиональная совместная деятельность. И насколько бы я ни осознавал, что все обоснованно, но расследовать это я не могу. Мы пошли к прокурору и заявили самоотвод, дело передали в другой район, расследовали, осудили, дали реальные сроки. Сработало, потому что прокурор у нас такой был. А обычно следователь просто пишет отказ.

— Следователи и менты носят разную форму, — говорит правозащитник Игорь Каляпин, — но они друг другу родные. Для следователей свои опера гораздо ближе, чем начальство Следственного комитета. В Нижнем Новгороде сотрудники управления собственной безопасности говорили, что на две трети материалов, которые они направляют в прокуратуру, выносятся отказы. То есть даже само МВД готово от этих людей отказаться, а следователи отмазывают...

Крупный, крепкий, как питбуль, Андрей Сучков не похож на правозащитника.

— Какой единственный критерий при приеме на работу в милицию? — хрипло цедит он. — Служба в армии. Больше ничего не спрашивают. Туда сейчас идут те, кто больше ничего не может. В деревне работы нет, да и не хотят они работать. Идут, где власть. Я когда ментом работал, нас люди вообще не боялись...

— Вы были ментом?!

— Был в начале 90-х. Советские кадры были, совсем другая милиция, по любому вопросу люди спокойно обращались.

— А потом стали правозащитником?

— Нет, я в прокуратуре работал.

— А почему ушли оттуда?

— Абсолютно бессмысленный орган потому что. Только отчетность волнует: «эффективность, стабильность, раскрываемость». Чтобы такое-то количество дел было раскрыто, не меньше, чем в прошлом году, чтобы не было прекращенных. Поэтому и не возбуждают дела — чтобы не прекращать. С каким обвинением дело в суд направили, с таким и должно идти. Не дай бог, переквалифицируют на менее тяжкое — сразу по шапке получаешь. А тем более если оправдают...

То, что в правозащитной организации борются с пытками бывшие менты и следователи, довольно логично. Правозащитные доклады и обращения к начальству ни на что не влияют. Что-то удастся сделать, только если вести собственные расследования.

Я ночую у приятельницы. Ее первый вопрос: «Так же, этот Назаров правда уголовник или нет?» Она очень интеллигентная девушка, но ей хочется думать, что с ней такого не случится. Вижу, что, несмотря на все мои объяснения, в глубине души она не очень верит, что это может случиться с каждым. Она не знает, что пришел я прямо из казанского Кремля, где встречался с Ильсиейр Фалахеевой, высокопоставленной чиновницей из администрации президента республики. Три года назад ее сына зарезали в ОВД «Азино-2», расположенном по соседству с «Дальним».

— Перед Новым годом. Представляете, все Новый год отмечают, а я похоронила сына и сижу, — рассказывает Ильсиейр. — Он был студентом Академии госслужбы. Он у меня вообще был домашним ребенком, первый раз пошел в ночной клуб. Он был с девушкой в этом кафе, он ее в Англию отправлял, сам там учился... Часа в два ночи мне позвонили из отделения милиции и говорят грубоватым голосом: «Вы действительно работаете в аппарате президента?» Я говорю: «Да, а что?» — «Мы вашего сына на шесть суток забрали». — «А что случилось?» — «Они недоплатили за банкет». Я говорю: «Какие проблемы? Я сейчас эти деньги привезу...» «Приезжать не надо», — говорят.

Приехали в отделение милиции. Там все руководители, человек семь милиционеров, документы рвали, журналы какие-то выписывали. Говорят: подождите, сейчас мы его выпустим. Они мне вали, моего сына уже вывезли оттуда в морг. Я позвонила брату, он у меня бывший прокурор, говорю: что делать-то? Он говорит: «Скажи, что ты сейчас в дежурную МВД позвонишь». И тогда мне отвечают: «Мы его на “скорой помощи” увезли в больницу, ему стало плохо». Долго не давали телефон «скорой помощи», наконец я сама туда позвонила, мне говорят: «Ваш сын погиб».

Что случилось? Отчего он погиб? Врач отвечает: «Я такого в жизни не видела, у него была рваная рана до костей, как будто мясо выдрали из руки. И лужа крови». Утром приехали в морг, вышла девушка, говорит: «Мы его сейчас помоем, раны зашьем, синяки затрем, эта услуга будет стоить 4200». Дала деньги — его помытого нам выдали, на голове повязка. Похоронили — у нас же сразу хоронят, до 12 часов, — я пришла домой, а сноха говорит: «Тут какой-то черный пакет с морга дали, давай посмотрим». Там были его брюки, все рваные, все в крови, пиджак рваный, все в крови, а на трусах 13 надразов...

Андрей Сучков, который ведет дело Рената Фалахеева в КПЦ, показывает мне жуткие фотографии из дела: покрытый ранами голый труп, отдельно — лохмотья одежды.

— Штаны все порваны, видимо, он их не давал снимать, и их разрывали. Это, в частности, было основанием для эксгумации: он поступил опрятно одетый, на нем был костюм за четыре тысячи долларов. Брюки и пиджак порваны, а на трусах — экспертиза вещдоков показала — колото-резаные удары, предположительно ножницами. И на теле раны в тех же местах. На брюках их нет — значит, над ним издевались в раздетом виде...

— Видимо, у моего сына они перед Новым годом решили вымогать деньги, — говорит Ильсиейр. — А он у меня принципиальный парень, потому что у него дядя —

прокурор. И, видимо, там конфликт случился, он сказал: «Вы не имеете права» или еще что-то. Но зачем рвать пах парню? Это вообще унижительно. — Ильсиейр говорит с жутким спокойствием, с рассудительностью

человека, с которым произошло нечто запредельное.

— Следственный комитет полностью заблокировал какие-либо действия по расследованию этого дела, — говорит Андрей. — Мы множество раз подавали ходатайство, что нужно результаты экспертизы вещдоков передать на рассмотрение судмедэкспертизы. Ходатайствовали изъять видеозапись из отдела, у них там видеоаппаратура была установлена. Полностью игнорировали, никаких ответов. Полгода мы их долбили через суд — никаких действий, только по истечении срока хранения видеозаписей, когда их стерли, они сделали запрос на видеозапись. Они говорят, что телесные повреждения были причинены неизвестно кем, неизвестно когда. На третий день среди вещдоков появилась пачка лезвий. Есть показания сотрудников магазина, что после новогодних каникул к ним пришли милиционеры и потребовали, чтобы им предоставили чеки на бутылку водки и лезвия. Якобы он купил водки, напился и сам себя порезал. Те им говорят: мы вам чек не можем дать, дали фискальную копию. А в деле появляется чек, на котором слова «фискальная копия» отсутствуют. То есть просто прогнали через матричный принтер и вложили. На чистую воду их вывела та же самая экспертиза вещдоков. Они эту пачку лезвий сами купили — и вместе с одеждой отправили на экспертизу вещдоков. А эксперт-то, он ведь сам себе не враг. Он так и написал: на экспертизу поступила не вскрытая пачка лезвий. Они даже не додумались, что вскрыть надо, одну вытащить или две...

— Я пришла в следственный комитет нашей республики, к Киршину, — продолжает Ильсияр. Он говорит: «У нас таких сил нет, чтобы данное преступление раскрыть». Ну, заявление у меня забрали, конечно, и сразу представили постановление об отказе в возбуждении дела. Потом я обратилась к Шаймиеву — возбудили уголовное дело. Волокитили нас, волокитили, потом все прекратили. Восемь следователей поменялось. Первый следователь прямо говорил: «Мне не дает руководство это делать». Второй якобы уволился, потому что у него нервный срыв. Третий следователь тоже пропал. Четвертый со страху на улице со мной разговаривал: «Извините, у меня двое детей, у меня зарплата восемь тысяч, мне дело вести не дают». Прокурор Советского района сказал, будет до ста раз возвращать на доследование, а до суда не доведет: «Милицию осудить не дам». Мы были три раза в суде, его поднял судья, он говорит: «До меня никто ничего не делал, и я делать не буду». Мы, говорит, бессильны.

А они еще повысились в должности, эти прапорщики, — стали операми. Одного из них судили за халатность, Валеева. Он говорит: «Я же не знал, что это ваш сын. Если бы я знал, такого бы не случилось». Представляете, он признался уже в своем преступлении! Представляете, он выбирает!

— Мы обратились в Приволжский суд на бездействие следствия, — говорит Андрей. — Суд признал бездействие незаконным. И опять ничего не делали полтора года. Опять обращаемся в суд, опять признают бездействие незаконным. Пришли знакомиться с материалами дела — ни одного листочка не добавилось, ничего не изменилось. Постановление о прекращении, которое было признано незаконным, даже не соизволили отменить, чтобы вынести новое. Опять обратились в суд, в третий раз признали по этим же основаниям незаконным — никто даже не шевельнулся. Три судебных решения есть!

— Но зачем они покрывают этих сошек?

— Не их, а честь мундира. В Татарстане все должно быть лучше всех, лучшие показатели по МВД.

В восемь утра мы с Ильсияр и юристом КПЦ заходим в кабинет начальника казанской полиции Рустема Кадырова в слабой надежде, что он поможет ее делу сдвинуться с места. Встречу организовали по знакомству. Лицо у полковника серое, он весь на нервах. Когда мы садимся, дребезжит резкий звонок. Глава ГУВД зачем-то вскакивает, хватает трубку: «Слушаю, товарищ министр». В трубке громкая ругань. Мы слышим, как глава республиканского МВД Сафаров раздраженно выговаривает подчиненному за то, что дело о краже Назаровым телефона до сих пор не доведено до конца. «Говорил, товарищ министр... Есть, товарищ министр...» — сдавленно отвечает полковник. Когда выволочка кончается, начальник ГУВД берет другую трубку: «Так, давай по Назарову, по краже, людей отправляй, там надо закрепить все нормально...»

Отдав распоряжение, полковник непонимающе смотрит на нас:

— Что вы хотели?

— Я мать сына, погибшего в отделе «Азино-2», до сих пор никого к ответственности не привлекли. Почему у нас убивают людей в отделениях милиции?! — Ильсияр срывается на крик.

— Это вопрос риторический — почему убивают в отделах. По каждому конкретному факту разбираемся.

— Так разберитесь!

— Давайте без эмоций. Я расследованиями по уголовным делам в отношении сотрудников полиции не занимаюсь, есть Следственный комитет. По вашему делу производство прекращено? Ко мне какие вопросы?

— Ну хотя бы проведите служебную проверку, вы же этих людей повышаете в должности!

— У меня сотни жалоб идут. Если будут отказы, я с этими сотрудниками буду работать. Я не могу без сотрудников остаться. Больше нет ко мне вопросов? Звоните на горячую линию. До свидания.

Полковник Кадыров не хочет плохого, пашет с раннего утра. Но приоритеты его ясны: рвение по делу о краже покойным Назаровым мобильного и полное равнодушие к матери зарезанного студента.

За три дня руководство МВД переходит от угрюмой несознанки к чистосердечному раскаянию. Нургалиев назвал палачей предателями, пятеро из них арестованы, ОВД «Дальний» расформирован, всю татарскую полицию проверяют на детекторе лжи.

— Да фуфло это все, — цедит, затягиваясь сигаретой, Андрей. — Видишь, Сафарову уже объявили выговор, не стали дожидаться результатов комиссии. Кто мешал подождать? Значит, все, ничего ему больше не будет. Начальство «Дальнего» быстренько уволили — им тоже ничего не будет, хотя они сами людей пытали. Максимум этих четверых ментов посадят. Объявили, что всех проверяют на детекторе, — так ведь год назад всех проверяли, Сафаров объявлял торжественно...

В голосе Андрея усталость и привычный пессимизм человека, годами работающего без какой-либо надежды на улучшение.

В Москве я присутствую на тусовке правозащитников, пытающихся выработать общие рекомендации государству для борьбы с пытками. В видеокамеры, прозрачные стены и прочую показуху никто из них особо не верит. После мучительных дебатов сходятся на одном пункте: выделить в структуре СКР специальное подразделение, которое будет вести расследования только в отношении полиции (МВД, ФСКН и ФСИН). Следователи этого подразделения не должны заниматься ничем другим и не должны иметь рабочих связей с обычными оперативниками.

— Нужны специальные следователи, — говорит председатель «Комитета против пыток» Игорь Каляпин, — которые намертво привинчены, которых нельзя перевести на обычные дела, где им коллеги скажут: что ты, чмо, против нас работаешь? Нужно, чтобы эта структура подчинялась непосредственно Бастрыкину или его заму, а не местным управлениям. Что-то подобное есть во всех европейских странах — специальные следки и опера, которые всегда работают против своих. Никакая реформа МВД сама по себе ничего не даст, если не менять контроль над ним.

Автор: Шура Буртин © Русский репортер РАССЛЕДОВАНИЯ, ИРКУТСК 👁 11535 02.04.2012, 00:19 ♡ 1033
URL: <https://babr24.com/?ADE=104321> Bytes: 28083 / 28083 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- Телеграм
- Джем
- ВКонтакте
- Одноклассники

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Шура Буртин.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)